

Ю.В. Розанов

Вологодский государственный университет

«ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДЕСАНТ» НА ФАБРИКУ «СОКОЛ»

В статье рассказывается о двух поездках (в октябре 1930 и январе 1931 гг.) группы московских писателей на бумажную фабрику «Сокол», осуществленных в рамках всесоюзного движения по сближению литературы и промышленного производства. На основании ряда исторических источников анализируются обстоятельства поездки, ее цели, методы и результаты, дается краткая характеристика участникам «литературного десанта», высказываются предположения об индивидуальных причинах поездки для каждого писателя.

Фабрика «Сокол», первая пятилетка, бумажный кризис, «История фабрик и заводов», А.М. Дроздов, П.Н. Зайцев, М.А. Зенкевич, А.С. Яковлев.

О поездке группы московских писателей в 1930 году на бумажную фабрику «Сокол», «героиню бумажной промышленности», историки и краеведы хорошо знают, достаточно сказать, что самая первая книга о поселке Сокол и о фабрике – сборник очерков Александра Степановича Яковлева «Ударный “Сокол”», вышедшая в 1931 году в московском издательстве «Федерация», была написана по материалам этой писательской экспедиции. Несколько ранее в журнале «Социалистический Север» был опубликован журнальный вариант одного из очерков [17, с. 81–89]. Тем не менее, во всей этой истории до сих пор существуют и странности, и «белые пятна», прояснить которые или просто их обозначить мы и попытаемся.

Строго говоря, была не одна, а две поездки одной группы литераторов. Первая с 16 октября по 1 ноября 1930 года, вторая с 31 декабря до середины января. На сайте gorodsokol.ru о цели приезда писателей сказано вполне определенно: «...разобраться в причинах снижения выпуска продукции». Никого не удивляет, что приехали писатели, «инженеры человеческих душ», по определению Сталина, а не специалисты по производству бумаги. Откуда же взялось такое странное утверждение? Ответ очевиден – от самих приехавших литераторов. Петр Никанорович Зайцев, руководитель «ударной группы», вспоминал: «Осенью 1930 года бригада писателей: А.С. Яковлев, А.М. Дроздов, М.А. Зенкевич, Н.А. Степной (Афиногенов) и я были “на прорыве” на бумажной фабрике “Сокол” под Вологодой. <...> Фабрика не выполняла годовой план» [6, с. 143, 147]. Слово «прорыв» в этом специфическом значении появилось в годы индустриализации. Толковый словарь под редакцией Д.Н. Ушакова, отражающий специфическую лексику 1930-х годов, дает его с пометой «переносное»: «Невыполнение в срок или с должной полнотой плана, задания. *Ликвидировать прорыв*» [14, стлб. 992]. В пояснительной записке к отчету о командировке Зайцев называет и автора оригинальной идеи писательского десанта: «Бородину, председателю Бумтреста, пришла в голову удачная мысль: привлечь писателей на ликвида-

цию прорывов в бумажной промышленности и поднять волну соцсоревнования на бумажных фабриках за 100-процентное выполнение планов выработки бумаги и снабжения ею. Он обратился в Союз писателей с просьбой организовать и привлечь писателей по этому делу. Союз немедленно откликнулся. В Союзбумаге 10 декабря состоялось отчетное собрание писателей о своих поездках...» [6, с. 649]. Здесь необходимо пояснить, что имеется в виду не всемогущий и богатый Союз советских писателей (ССП), созданный И.В. Сталиным и М. Горьким в 1934 году, а малоизвестный и малоавторитетный Всероссийский союз советских писателей, по сути дела, писательский профсоюз. Необходимо также помнить, что все 1920-е и 1930-е годы страна испытывала тяжелейший бумажный кризис. Современные архивисты удивляются, что зачастую даже официальная переписка руководителей различных организаций велась «на оборотах каких-то географических карт, на типографском браке разных журналов» [16]. (В годы «большого террора» от такой «экономии» отказались, поскольку на обороте корреспонденции могли оказаться запрещенные к тому времени тексты и изображения.)

Поездки писательских групп на основные стройки и производства в 1930-е случались часто, поскольку советская власть искала новые формы использования писателей. Эти поездки, на милитаризованном языке эпохи часто называемые «литературными» или «писательскими десантами», стали одной из форм советской литературной жизни. Писательский труд, как и любая другая деятельность в культурной сфере, приближался к реальным производственно-экономическим задачам, стоявшим перед страной. До создания единого ССП организовывать и финансировать «десанты» могли разные структуры. В северной столице этой работой занималось «Издательство писателей в Ленинграде», которое уже в 1930 году направляло писателей на различные участки социалистического строительства, результатом чего стали книги очерков о предприятиях и стройках, о жизни рабочих и сборники произведений членов заводских литературных

объединений. Наиболее успешной была деятельность так называемой «северной бригады» ленинградских авторов (Г. Куклин, С. Спасский, Евг. Тагер, Н. Чуковский), работавшей по северо-западной части страны [2, с. 213–214].

В Москве при старом Союзе писателей существовал даже особый Мобилизационный отдел, занимавшийся этими делами, но поездки с сугубо производственной целью не известны. Обычно писателей отправляли на успешные предприятия с целью описать достижения и трудовые подвиги, а также «перековку» ранее малосознательных масс в процессе ударного труда. Самая знаменитая писательская поездка была на строительство заключенными Беломоро-Балтийского канала имени Сталина в 1933 году, в которой участвовали почти четыре десятка известных на всю страну писателей. Она же и закрыла тему – в 1937–1938 годах большинство организаторов и часть участников поездки были расстреляны, и такого рода инициативы постепенно пошли на убыль.

Писатели, как указывают многие источники, в большинстве своем охотно откликались на призывы власти, видя в этом удобную и сравнительно мало затратную форму демонстрации советской лояльности. Были в этом движении «инженеров человеческих душ» на заводы и стройки свои ударники. Поэт Александр Безыменский в своей автобиографии с гордостью указывал, что участвовал в семнадцати таких поездках.

Но вернемся на фабрику «Сокол». Возникает закономерный вопрос: а был ли «прорыв»? Газета «Красный Север» 17 сентября 1930 года напечатала анонимную заметку «Прорыв на “Соколе”». Бумажники не сдержали свое слово» с резкой критикой положения на предприятии: «Сокольские бумажники, обещавшие стране ежедневно давать 139 тонн бумаги, не сдержали своего слова. Фабрика дает только 134 тонны в сутки. На “Соколе” появились ошеломляющие простои. 10 сентября машины стояли восемь часов. 11 сентября двадцать часов. Причины простоя – частые аварии на производстве. Треугольник¹ основного бумажного цеха показал полную неспособность руководить боями за ликвидацию прорыва в силу чего сокольские бумажники оказались в хвосте отрядов ударников Северного края. <...> Лжеударничество приняло на фабрике большие размеры – только машина № 4 ежедневно превышает задания. Этот пример говорит о том, что энтузиазм отдельных ударных бригад или не умеют, или не желают передать всей массе рабочих» [12, с. 2]. Тем не менее, в отчете за третий квартал 1930 года, опубликованном 19 октября, руководитель Северного края С. Бергавинов утверждает прямо противоположное: «Успешно закончила свой промфинплан и бумажная фабрика “Сокол”. Ударничество здесь сыграло решающую роль» [1, с. 3]. Похоже, что к приезду писателей никакого «прорыва» уже не было, фабрика работала нормально, но велась нешуточная борьба за власть и за влияние между различными группировками как на самой фаб-

рике, так и в Бумтресте. Эту версию косвенно подтверждает еще одна анонимная заметка в «Красном Севере» от 29 октября, содержащая уже открытые политические обвинения. Публикация остроумно названа «Бумажные коммунисты»: «За оппортунизм и неумение возглавить массы в соцсоревновании распущено бюро партячейки² бумажного цеха фабрики “Сокол”. Никакого руководства борьбой с прорывами со стороны бюро не было, лица коммунистов на производстве не чувствовалось, несколько членов партии отказались изучать решения 16 съезда» [3, с. 2]. Разумеется, как и во всей стране, на «Соколе» все это время разоблачали «вредителей». В очерке Яковлева об этом сказано глухо: «Во главе фабрики, после ареста вредителей Бельского и Сегалова, поставлен директором бывший рабочий бумажной фабрики “Полотняный завод” тов. Николаев, а его помощник – рабочий “Сокола” товарищ Аржанов, работающий здесь с 13-ти летнего возраста» [17, с. 89]. Не ясно, участвовали ли в этой борьбе московские гости.

Судя по их воспоминаниям, в политическом отношении они вели себя крайне осторожно. Приведем пример из мемуаров Зайцева. Здесь одновременно с «десантом» жил и работал известный поэт Серебряного века, близкий друг Александра Блока Владимир Пяст (Пястовский). В начале 1930 года поэт был арестован в Москве и приговорен по статьям 58-10 и 58-11 (контрреволюционная агитация и участие в контрреволюционной организации) к высылке на три года в Северный край. Некоторые из наших писателей были неплохо знакомы с ним по Москве. Зайцев пишет: «Библиотекарша поселково-фабричной массовой библиотеки рассказала, что незадолго перед нами у нее был поэт Пяст в очень мизеральном виде, оборванный, голодный и жалкий. Помнится, она сказала, что немного пригрела его, хотя как поэта совсем не знала. Мы с ним там не встретились» [6, с. 143]. Эпизод красноречив: простая библиотекарша пожалела и пригрела опального поэта, а знакомые собратья по перу «не встретились». Позже, когда опальный поэт вернулся из своих невольных странствий по Северу, его общение с Зайцевым и другими коллегами возобновилось. (О пребывании Пяста в северных краях рассказывается в неопубликованных воспоминаниях О.В. Яфа-Синакевич, хранящихся в Российской национальной библиотеке [7, с. 71].)

Разумеется, в производственный процесс писатели не вмешивались, а занимались более понятными им делами: выступали на собраниях рабочих, читали им свои произведения, преимущественно стихи и рассказы, написанные в Соколе, устраивали литературные вечера, публиковались в местной газете «Сухонский ударник». Однако уже в своем первом рапорте в ВССП писатели намекнули на свою заслугу в исправлении дел на фабрике: «Бригада констатировала в процессе работы, что количественный прорыв на фабрике “Сокол” ликвидирован». (Иначе, зачем бы они приезжали?) Но не будем слишком придираться к словам – главное, как писал Зайцев, что «фабрика не оставит писателей Советского Союза без бумаги».

¹ Общее название для трех руководящих лиц: руководителя по административной линии и руководителей по линии партийной и профсоюзной работы.

² Название первичной партийной организации, существовавшее до XVII съезда ВКП(б).

В итоговом очерке Яковлева «Ударный “Сокол”» ситуация, связанная с преодолением летнего кризиса, описана более объективно: «Был создан штаб по ликвидации прорыва, введены ночные дежурства особых бригад и инженеров. Некоторые цеха отказались от выходных дней. То и дело на фабрике устраивались субботники. <...> К 1 октября 1930 года промплан был выполнен фабрикой на 102 процента и сверх этого фабрика преподнесла XVI партсъезду 5000 тонн бумаги» [17, с. 88.]

26 октября бригада устроила в фабричном клубе литературный вечер, собрав полный зал. Выступили все гости. Дроздов прочел очерк «Встречи», Яковлев – «Звенья», Степной – «Тревожный свисток». Зенкевич выступил со стихотворением «Ударная». Зайцев прочитал, среди прочего, стихотворение «Работница паккамеры». (Паккамера – цех писчебумажного производства, где производится сортировка и упаковка продукции. Яковлев называет паккамеру «республикой женщин».) Своей искренностью и неподдельным пафосом стихотворение выделяется на фоне несколько однообразных и искусственных образцов литературной продукции «писательского десанта».

Отработав смену, ты бежишь из цеха,
Промелькнешь поселком, торопясь домой,
Ни луча улыбки, ни звездочки смеха,
Семь часов ударных, – не в зачет восьмой.

Повязавшись наспех кумачом косынки,
Ты летишь, не чуя под собою ног,
Не московский модный каблучок ботинка,
Грязь поселка месит – твердый сапожок.

Но легка походка, – легче ветра в танце,
Ведь тебе сегодня лишь двадцатый год.
И еще не выпил свежего румянца
Кислотой и пылью с этих щек завод.

Обратим внимание на мотив самопожертвования в пользу завода, производства, индустриализации, хорошо известный русской литературе по уральским романам Д.Н. Мамина-Сибиряка, повести А.И. Куприна «Молох», многим произведениям 1920-х годов, из которых достаточно назвать шедевр социалистического реализма – стихотворение Владимира Маяковского «Рассказ т. Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка». В советской литературе мотив жертвоприношения в таком открытом и явном виде, можно сказать, доживал последние дни. Для идеологии и эстетики 1930-х годов такой тип массового производственного героизма несколько избыточен и не совсем уместен, что хорошо понимали «ответственные товарищи». Уже в начале 1934 года А.С. Щербаков, видный коммунистический функционер и первый секретарь «нового» Союза писателей, своего рода «комиссар» при председателе Союза М. Горьком, сообщил писателю Александру Авдеенко о серьезных идеологических недостатках его романа «Столица» и советовал показывать «трудности» так, «чтобы не получилось, что рабочий класс совершал какое-то жертвоприношение» [9, с. 144].

Далее в стихотворении «Работница паккамеры» описываются разные достижения сокольской красавицы как на производстве, так и по общественной линии:

Ночи мгла прохладна. Звезды в небе сини.
Клуб огнями залит. Рампы ярк свет.
На огромной сцене, в роли героини, –
Звонко бьется сердце в девятнадцать лет.

Нынче праздник. Завтра, трезв и прям, как разум,
Вновь гудок завода в твой вернется сон,
В цех помчишься снова, чтоб проворным глазом
На листах бумаги отмечать «ворон».

В соцсоревнование ты вступила первой,
В Красном батальоне первой – тоже ты,
Выйдешь на субботник и походкой мерной
По мостам с балансом с барж – до темноты.

И кумач косынки – огонечек алый.
Берег оживает: песня, шутка, смех,
Ты в толпе ударниц – первой запевалой
В пятилетку вымчишь свой ударный цех.

[6, с. 652–653]

Детали быта и производства Зайцев передает точно. Прокомментируем некоторые. *Семь часов ударных – не в зачет восьмой.* Официально фабрика перешла на семичасовой рабочий день, но в период «ликвидации прорыва» работали по восемь, лишний час в зачет не шел, за него не платили. *Клуб огнями залит. Рампы ярк свет.* Драмкружок в клубе был и московские писатели как-то участвовали в этом деле, о чем свидетельствует статья Дроздова «Драмкружок на твердые ноги» в газете «Сухонский ударник». *На листах отмечать ворон...* Либо отмечать брак, либо ставить товарный знак фабрики – изображение сокола, которое в шутку именовали «вороной». *По мостам с балансом с барж до темноты.* Описывается субботник по разгрузке барж, доставивших сырье на фабрику. Баланс – словая плаха, идущая на выработку бумаги. *Красный батальон* – мероприятие по начальной военной подготовке, страна уже готовилась к большой войне.

Предсказание поэта, что завод, как вампир или купринский языческий бог Молох, скоро «выпьет» красоту и здоровье молодой девушки, конечно, дисгармонируют с общим оптимистическим тоном стихотворения, но, скорее всего, в то время дисгармония не ощущалась. В опубликованном очерке Яковлева тоже говорится о последствиях ударничества для человека: «Один инженер партиец работал целый год без выходных дней по 15–16 часов в сутки. Правда, потом его отправили на очень продолжительное лечение, потому что дошел человек до полного изнеможения: его лицо перекосилось, нервность обнаружилась крайняя». Жертвы оправдываются особой политической и экономической ситуацией: «Производство сейчас – фронт, люди воюют на фронте, в непрерывных боях и порой сгорают без остатка» [17, с. 88].

Еще более откровенны писатели в своих отчетах начальству. Эти «рапорты», конечно, не предназначались для печати. В фабричной столовой «обеда плохи <...> основной пищей является капуста и немного картофеля. Жиров и мяса почти нет». Кооператив снабжается плохо, «рабочие не получают даже снабжение по норме, сахара не было два месяца». Несколько месяцев рабочие не получают заработной платы «из-за отсутствия дензнаков». «Рабочие жалуются на упадок сил на почве недоедания» [6, с. 471]. Напомним, что с февраля 1929 года в СССР было введено нормированное распределение продуктов питания, т.е. «карточная система». Сами писатели питались существенно лучше рабочих, а недостаток мяса они восполняли охотой на зайцев и птиц в окрестных лесах. А.М. Дроздов, заядлый охотник, предусмотрительно захватил с собой ружье.

Второй, новогодний приезд этой же группы в поселок Сокол был напрямую связан с работой над книгой о фабрике и ее людях. Создание истории фабрик и заводов силами самих рабочих – давняя и любимая идея Максима Горького, которую принимали далеко не все в советской литературной элите. Редактор ведущего журнала «Новый мир» Вячеслав Полонский 27 октября 1931 года записал свой любопытный разговор с популярным писателем Сергеем Буданцевым: «Буданцев: Горький прямо бедствие для литературы. Полонский: Почему? Буданцев: Он создает у Сталина иллюзию благополучия в литературе. Как будто все хорошо и остается только писать *Историю заводов*» [11]. Довольно скоро выяснилось, что рабочими здесь не обойтись, и к делу были привлечены профессионалы. В 1920-е годы уже стали выходить книги по этой тематике, но на государственном уровне дело было поставлено несколько позже, когда было принято специальное Постановление ЦК ВКП(б) от 10 октября 1931 года о создании издательства «ИФЗ» («История фабрик и заводов») и утвержден список предприятий, достойных быть занесенными в историю. «Сокол» в него не вошел, возможно, потому, что книга Яковлева к тому времени уже была издана.

Об этой поездке Зайцев рассказал Андрею Белому в письме от 3 января 1931 года: «Дорогой, милый и добрый Борис Николаевич! 31-го к вечеру приехали на место и очень быстро устроились в бытовом отношении. Остановились там же, где жили и в прошлый раз. Сразу почувствовали себя здесь своими. Нас тоже встретили как знакомых и своих, – легко, просто, ласково и хорошо. До нашего приезда были морозы до 35-38. А при нас потеплело до 15-20. Так что отсутствие валенок и теплого белья меня пока не тревожит. Вновь – беседуем, смотрим, слушаем, узнаем много нового, интересного. Но сейчас наши интересы собираются вокруг нашей книги, которую нам надо писать. <...> Работы очень много. Чрезвычайно обильный материал дают беседы с людьми – руководителями фабрики, учреждений. Прорабатываем. <...> Стараюсь здесь быть в ритме. По утрам занимаюсь ритмикой хоть несколько минут. Это дает возможность правильно и крепко строить работу всего остального дня. <...> Мы живем здесь трое в одной комнате, – с А.М. Дроздовым и писателем Н.А. Степным – очень хорошо, мирно. Но, конечно, жить втро-

ем трудновато для каждого из нас по-своему. Хорошо, что очень милые люди» [6, с. 470–471].

Не ясно, почему коллективная книга так и не появилась, хотя договор на ее написание между писательской бригадой и руководством фабрики «Сокол» был заключен во время второго приезда и даже обозначен срок сдачи рукописи – 15 марта 1931 года. В порядке гипотезы можно предположить, что книга «Ударный “Сокол”» все же коллективная, созданная всей писательской бригадой, но вышедшая по каким-то причинам под фамилией одного автора. (Не исключено, что это как-то связано с особенностями оплаты литературного труда.) Подобные случаи имели место. В том же 1930-м году другой десант писателей побывал на заводах и стройках Урала, но итоговая книга «Магнитострой: Очерк строительства» вышла под именем одного автора – В. Полонского [10].

Из всей этой пятерки вполне достойных, профессиональных авторов на сегодняшний день актуален один Михаил Александрович Зенкевич (1886–1973) – поэт и переводчик поэзии. Еще в 1911 году он был одним из основателей «Цеха поэтов», выпустил книгу стихов «Дикая порфира», сразу ставшую знаменитой. Зенкевича называли «четвертым акмеистом». Это совсем не обидно, если трое первых – Гумилев, Мандельштам, Ахматова. Летом 1917 года Велимир Хлебников, переосмысляя античную мысль о том, что государствами должны управлять поэты, включил Зенкевича в почетный перечень «Председателей Земного Шара» наряду с Маяковским, М. Кузминым, Н. Асеевым и Б. Пастернаком [15, с. 105]. После революционных событий, после гибели своего друга Гумилева поэт жил в Москве, более-менее удачно вписался в советский литературный процесс, стал больше заниматься стихотворными переводами, в чем тоже достиг немалых успехов. Почетный титул основателя советской школы поэтического перевода принадлежит ему вполне заслуженно. Стихи продолжал писать всю жизнь, и довольно сильные. К эпохе индустриализации, в том числе и к поездке в Сокол, имеет некоторое отношение поэма «Машинная страда», написанная в 1931 году. Но поэзия Зенкевича 1930-х годов значительно уступает его лучшим вещам. «Человек он был тихий, не тщеславный, когда-то очень напуганный, скромный. Когда-то жил в тени Гумилева, потом в тени Нарбута, а после их гибели залез в какую-то нору и изредка высывал нос», – писал о Зенкевиче А. Гладков [5, с. 628–629].

Руководитель и, по всей видимости, организатор «писательского десанта» Петр Никанорович Зайцев (1889–1970) – поэт, драматург, мемуарист, организатор литературной жизни в Москве, особенно активный в 1920-е годы. В течение ряда лет Зайцев был другом и литературным секретарем Андрея Белого, с которым его связывала и антропософская работа. Вскоре после командировки на фабрику «Сокол» Зайцев был арестован по делу запрещенного в СССР Московского антропософского общества имени М.В. Ломоносова и сослан в Казахстан на три года. Поэтическая судьба Зайцева складывалась не совсем удачно: он подготовил к печати несколько сборников стихов, но издал только один – «Ночное солнце» (1923). В позднейших автобиографических заметках

Зайцева содержится горькая и щемящая оценка русского «потерянного поколения», к которому он себя не без основания причислял: «Мы, люди 1910-х годов, та прослойка, в которой я оказался по воле случая, в силу особенностей моей личности, – не годились как основные двигатели... (Имею в виду послеоктябрьские годы...) Пригодились лишь некоторые из сверстников. Нам оставалась, досталась лишь роль техников, роль специалистов, чаще всего проводников культуры... Мы не балласт. Но мы оказались на подполье у господствующей силы... На нас искоса поглядывали как на материал, не очень полноценный идеологически...» [6, с. 5].

Интересной и в определенном отношении загадочной фигурой был Александр Михайлович Дроздов (1896–1963) – автор многочисленных повестей и рассказов о современности. Участник Гражданской войны на стороне белых, сотрудник денкинского ОСВАГа (отдела пропаганды Добровольческой армии), он в феврале 1920 года эвакуировался в Константинополь, жил в Париже и Берлине. С 1921 по 1923 годы Дроздов редактировал берлинский журнал «Сполохи», занимал четкую антисоветскую позицию, но в декабре 1923 года неожиданно вернулся в СССР, где заведовал отделами прозы в «Новом мире» и «Октябре», много печатался. В берлинские годы Дроздов близко сошелся с Владимиром Набоковым на почве увлечения литературой и футболом. В романе Набокова «Look at the harlequins!» («Взгляни на арлекинов!», 1974) герой, знаменитый русско-американский писатель Вадим Вадимович (alter ego автора) тайно приезжает в Ленинград и встречается там с советским писателем и сотрудником Комитета государственной безопасности Олегом Орловым [8, с. 331]. Прототипом Орлова и послужил Дроздов. Некоторые детали биографии Дроздова позволяют предположить, что подозрения Набокова не были безосновательны.

Вполне благополучно сложилась советская литературная карьера Александра Степановича Яковлева (1886–1953). Его рассказы и повести о крестьянской жизни 1920-х годов, особенно повести «История моего знакомства с дьяволом» и «Повольники» (обе – 1923), изданные в Берлине, получили высокую оценку как в советской, так и в эмигрантской критике. «Неореализм Замятина и Ремизова превращается в целое направление. И Пильняк, и гораздо более талантливый Яковлев, и еще не вполне собой овладевший Вс. [так!] Никитин, и Зошенко – бытописатели-реалисты, ищущие сближения литературной речи с народной, сочности и яркости красок», – писал М. Слоним [13, с. 6]. Такие похвалы со стороны классовых врагов, идеологически сомнительный литературный ряд, куда критика вписывала Яковлева, а также его эсеровское прошлое (в годы Первой русской революции он был эсером-максималистом) делали позицию писателя к началу 1930-х достаточно уязвимой, и он спешно «меняет вехи». В 1930-е Яковлев больше занимается журналистикой, научно-популярной и детской литературой, отказывается от стилевых модернистских экспериментов, сосредотачивается на политически благонадежной теме героического освоения Севера.

Осень и зима 1930 года, как и начало 1931-го, характеризовались уже явными признаками террора, в

обществе стужалась атмосфера подозрительности и всеобщего страха. Шли аресты сторонников Л.Д. Троцкого, начинались первые масштабные сталинские процессы (процесс Промпартии и др.). Так называемые «чистки», которые в 1920-е годы проходили исключительно в партийной среде, с 1929 года по решению XVI партийной конференции распространились и на организации, формально не связанные с ВКП(б). Именно в 1930 году Б. Пастернак писал Андрею Белому, что «фантазмагории» его символистского романа «Петербург» «превзойдены действительностью» [4, с. 365–366]. В этой тревожной обстановке у каждого из писателей возникали и особые причины демонстрировать свою лояльность советской власти и трудовой энтузиазм. М.А. Зенкевич, например, мог опасаться былой дружбы с расстрелянным Гумилевым или, пусть и несерьезным и сугубо «поэтическим», выдвиганием себя в политические лидеры. Для П.Н. Зайцева таким «скелетом в шкафу» была ненавистная советской власти антропософия. А.М. Дроздову полагалось до конца своих дней искупать вину за работу в денкинском «агитпропе» (ОСВАГ) и за эмиграцию с Белой армией, а А.С. Яковлеву всегда могли предъявить его «несанкционированные» заграничные публикации 1920-х годов.

Литература

1. Бергавинов, С. Штурм боевой / С. Бергавинов // Красный Север. – 1930. – 19 октября. – С. 3.
2. Бреслер, Д.М. Константин Вагинов в диалоге с пролетариатом. (Литературный кружок завода «Светлана» и работа над историей Нарвской заставы) / Д.М. Бреслер, А.Л. Дмитренко // Русская литература. – 2013. – № 4. – С. 212–234.
3. Бумажные коммунисты // Красный Север. – 1930. – 29 октября. – С. 2.
4. Быков, Д. Пастернак / Д. Быков. – Москва: Молодая гвардия, 2006. – 896 с.
5. Гладков, А. «Я не признаю историю без подробностей...» (Из дневниковых записей 1945–1973) / А. Гладков // In memorem. Исторический сборник памяти А.И. Добкина. – Санкт-Петербург; Париж: Феникс – Atheneum, 2000. – С. 523–654.
6. Зайцев, П.Н. Последние десять лет жизни Андрея Белого. Литературные встречи / П.Н. Зайцев. – Москва: Новое литературное обозрение, 2008. – 752 с.
7. Лавров, А.В. Символисты и другие: Статьи. Разыскания. Публикации / А.В. Лавров. – Москва: Новое литературное обозрение, 2015. – 768 с.
8. Набоков, В. Взгляни на арлекинов! / В. Набоков; пер. с английского и примечания А. Бабикова. – Изд. 4-е, уточн. и доп. – Санкт-Петербург: Азбука, 2015.
9. Перхин, В.В. Poleмика М. Горького с А. Авдеенко. (К характеристике духовной программы критика) / В.В. Перхин // Новый взгляд на М. Горького. – Москва: Наследие, 1995. – 432 с.
10. Полонский, Вяч. Магнитострой. [Очерк строительства] / В. Полонский. – Москва: Федерация, 1931. (На обложке – 1932)
11. Полонский, Вяч. Моя борьба на литературном фронте: Дневник: Май 1920 – январь 1932 [Электронный ресурс] / В. Полонский // Новый мир. – 2008. – № 1. – Режим доступа: magazines.russ.ru/novyi_mir/2008/1/po12.html
12. Прорыв на «Соколе». Бумажники не сдержали свое слово // Красный Север. – 1930. – 17 сентября. – С. 2.
13. Слоним, М. Литература наших дней / М. Слоним // Новости литературы. – 1922. – № 1. – Август. – С. 5–8.

14. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. – Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1939. – Т. 3. – 1424 стлб.

15. Хлебников, В. Собрание произведений: в 5 т. / В.В. Хлебников. – Ленинград: Издательство писателей, 1933. – Т. 4.

16. Шумихин, С.В. Комментарии [Электронный ресурс] / С.В. Шумихин // Полонский, Вяч. Моя борьба на литературном фронте: Дневник: Май 1920 – январь 1932 // Новый мир. – 2008. – № 1. – Режим доступа: magazines.russ.ru/novyi_mir/2008/1/po12.html

17. Яковлев, А. Ударный «Сокол» / А.С. Яковлев // Социалистический Север. – 1931. – Май. – № 1. – С. 83–89.

Yu.V. Rozanov

«LITERARY LANDING» TO THE PAPER MILL «SOKOL»

The article tells about two groups of writers who arrived from Moscow at the paper mill «Sokol» in October 1930 and January 1931. The visits were made as part of an all-Union movement aimed at bringing literature and industrial production together. The analysis is based on a number of historical sources. The article describes the circumstances of the trips, their goals, methods and results. It also provides a brief description of the participants of the «literary landing» and speculates what reasons to go to «Sokol» each writer had.

Paper mill «Sokol», first five-year plan, paper crisis, «History of factories and plants», A.M. Drozdov, P.N. Zaitsev, M.A. Zenkevich, A.S. Yakovlev.